

Лу Шабай почувствовала, что голод усилился.

— Пойдём поесть, — Гу Ичжэнь, передав документы ассистенту, подошла к ней, размахивая рукой. — Что это за выражение лица у тебя?

— Улыбка, но не совсем, — она внимательно разглядывала лицо Лу Шабай. — Что-то случилось?

— Нет, — ответила Лу Шабай, пряча телефон с лёгким чувством вины. — Ничего. Вечером поедим в китайском самоваре?

— В том кафе рядом?

Она явно пыталась скрыть свои мысли, и разговор звучал натянуто.

Утром, как только она вошла в офис, Гу Ичжэнь спросила о вчерашнем происшествии, но Лу Шабай сумела уйти от ответа, так и не рассказав правду.

Теперь она боялась, что Гу Ичжэнь снова затронет эту тему.

Гу Ичжэнь не стала настаивать. Она умела чувствовать атмосферу, и её маленькие секреты были ей известны.

Рядом с «Музой» находилась улица с множеством ресторанов, и одно из мест, специализирующееся на китайском самоваре, пользовалось популярностью. В обеденное время там было не протолкнуться.

Гу Ичжэнь везде имела клубные карты, и официант провёл их наверх, где они устроились в небольшой комнате.

Стены были украшены ретро-постерами, а на деревянных табличках висело меню дня. Интерьер был выполнен в японском стиле с модернизированными татами, и они сели друг напротив друга.

Китайский самовар был привычным блюдом, и Гу Ичжэнь заказала двойной бульон — костный и томатный. Лу Шабай вспомнила фотографию, которую ей отправила Е Инь, где грибной самовар выглядел очень аппетитно. Отказавшись от привычного вкуса, она заказала охлаждающий грибной вариант.

Гу Ичжэнь удивлённо посмотрела на неё:

— Меняешь вкусы?

Её слова в последнее время звучали с подтекстом...

Лу Шабай, будучи погружённой в свои мысли, стала более восприимчивой и легко поддавалась размышлениям.

— Никогда не пробовала, хочу попробовать.

Официант бросил на них косой взгляд. Просто поесть китайское фондю, а они разговаривают так замысловато.

Заказав ещё несколько закусок — осьминога с васаби, тушёный говяжий язык, жареные

куриные кусочки с майонезом и нарезанную говядину, они приготовились опустить всё это в кипящий бульон.

После нескольких минут разговоров, когда блюда были поданы, Гу Ичжэнь, в клубах пара, опустила в бульон тарелку с говядиной.

Она, словно невзначай, спросила:

— То, о чём ты думала раньше, скоро станет реальностью?

Много лет назад Лу Шабай упоминала, что хочет открыть свою студию, чтобы постепенно развивать разных артистов и заниматься интересными проектами.

Позже она попала в «Муззу», где первый год был удачным, на второй она вывела на вершину королеву экрана, а на третий переехала на двадцатый этаж. Её взгляд становился всё острее, а действия — всё более точными, но она больше не упоминала о своей мечте.

Сейчас, в этот важный момент, Гу Ичжэнь снова подняла эту тему, и это было весьма значимо.

Лу Шабай не ответила. Она выбрала кусочек языка, опустила его в соус, дала ему пропитаться, а затем отправила в рот.

Вкус был насыщенным, язык был упругим, и это приносило удовлетворение.

— Не молчи, — Гу Ичжэнь положила жареный куриный кусочек в её тарелку. — Если откроешь студию, я буду первым инвестором, ладно?

— Бросишь «Муззу»?

Лу Шабай взглянула на неё. Только что приготовленная говядина была невероятно нежной и таяла во рту.

— «Музза» — это проект старика, какое мне до этого дело.

Гу Ичжэнь улыбнулась. У неё была своя компания, и сейчас она искала возможности для расширения.

— Тогда спасибо заранее, — Лу Шабай съела поданный ей куриный кусочек. — Боюсь, тебе будет трудно между двух огней.

— Не будет, я рано или поздно выйду из этого дела.

Гу Ичжэнь сосредоточенно вылавливала грибы из бульона, а перед ней стояла тарелка с соевым соусом, красным перцем и зелёной кинзой, что выглядело остро и аппетитно.

— А как насчёт контракта Е Инь с «Муззой»? Сколько ещё осталось?

Эта трапеза прошла в тишине, что было необычно.

На стене ретро-постер загибался на угол, а из маленького котла на столе поднимался пар.

Гу Ичжэнь, опуская говядину в бульон, искала удобную позу, улыбаясь и ожидая ответа.

— Чжэнь, — вздохнула Лу Шабай, — мы же договорились не говорить о работе за едой?

— Эй, кто с тобой договаривался?

Гу Ичжэнь подняла бровь, удивлённая, что трудоголик мог такое сказать.

— Я уже не могу есть курицу, — у Лу Шабай стучало в висках, и она показала, что сдаётся. — Когда разберусь с контрактом, отправлю тебе бизнес-план, ладно?

— Хорошо, — улыбка Гу Ичжэнь не изменилась. — Жду твоего письма.

Лу Шабай не стала обращать на неё внимания, опустив взгляд на телефон. Е Инь прислала ей видео, где внизу у отеля кот, круглый и упитанный, лежал на спине и катался, выглядел очень мило.

Раньше она не была такой, редко смотрела в телефон, разве что перед едой проверяла срочные рабочие письма. Теперь же она ела и одновременно общалась с кем-то, что вызывало у Гу Ичжэнь лёгкую зависть.

— О чём ты так много можешь болтать? А?

Она протянула палочки, чтобы выловить говядину из котла Лу Шабай, которая была как раз готова, изменила цвет и лежала в бульоне.

Никто не остановил её, и она успешно достала кусочек.

Как так? Раньше, когда они ели вместе, она никогда не могла вытащить мясо у Лу Шабай.

— Она отправляет, я отвечаю.

Гу Ичжэнь снова протянула палочки, но Лу Шабай остановила их в воздухе, слегка ударив, явно не давая ей второй попытки.

— Не трогай моё мясо.

Её лицо было спокойным, с холодным выражением, но в уголке рта пряталась улыбка.

— Ты его слишком пережарила, — не согласилась Гу Ичжэнь. — Это расточительство.

— Если не нравится, закажи ещё.

Лу Шабай была человеком действий и сразу же попросила официанта принести ещё одну порцию говядины.

— С таким характером, как у тебя, как маленькая Инь могла в тебя влюбиться, — Гу Ичжэнь, ожидая мясо, не упустила возможности подколоть её. — Девятнадцать лет, цветущий возраст, а попала в твои руки. Эх, расточительство.

— Что, завидуешь?

Лу Шабай подняла телефон, явно дразня её.

— Да, да, завидую вашим загадкам, которые никогда не будут разгаданы.

Гу Ичжэнь закатила глаза, стараясь быть раздражающей.

— Она же первая любовь.

Лу Шабай держала телефон, её взгляд где-то блуждал, и слова звучали отрешённо.

— Как я могу рисковать?

Гу Ичжэнь вспомнила, как Е Инь смотрела на Лу Шабай, и мысленно покачала головой. Ты слишком молода.

Она не ждёт понимания, она ждёт возможности.

Когда ты не видишь, она смотрит на тебя, и в её глазах — уверенность в победе.

Гу Ичжэнь всё же верила, что однажды девятнадцатилетняя девушка поймёт и завоюет своего менеджера, поднявшись на вершину жизни.

— Ты так загадочно говоришь...

Гу Ичжэнь выловила всё мясо из своего котла, обмакнула его в соевый соус, затем в смесь красного перца и кинзы. Нежная говядина с солоноватым и острым вкусом вызывала аппетит.

Она вздохнула и спросила:

— Ты за рулём? Могу отвезти тебя домой?

— Только если завтра отвезешь меня на работу, — Лу Шабай потерла виски. В комнате было слишком холодно из-за кондиционера, и после трёх порций ванильного мороженого у неё началась старая проблема — головная боль. — Ладно, отвези меня, голова болит, не могу вести.

Гу Ичжэнь пошла на парковку, а она осталась сидеть, отдыхая несколько минут, глядя на яркие постеры на стене, пока мысли выходили из-под контроля.

В одиночестве головная боль продолжала атаковать её.

Эта проблема была мучительной, не болезнью, но неизлечимой, и если не быть осторожной, она начинала доставлять неудобства.

Наконец, она сдалась под натиском боли и отправила Е Инь сообщение.

— У меня сильно болит голова.

Показалось, что это звучит слишком сухо, и она вспомнила смайлики, которые обычно используют девушки, и отправила один.

— QAQ.

Почти сразу же Е Инь позвонила.

Её голос, проходя через линию, был мягким и тёплым.

— Очень болит?

Лу Шабай не ответила, просто слушала её дыхание.

Оно ритмично звучало в её ушах, и шум в висках постепенно утихал.

Е Инь, не услышав ответа, мягко переспросила:

— А Бай?

Это обращение, которое давно никто не использовал, было наполнено заботой, как мёд, и мгновенно сжало её сердце.

Сердцебиение ускорилось, и боль в голове ослабла.

<http://bllate.org/book/15554/1414753>